Василь БЫКОВ

Иллюзия

привлекательнее правды

ДЛЯ КОГО мы сочиняем книги? Кому адресуем наши статьи?

В идеальном варианте предполагается, что написанное нами адресуется нашим читателям — людям, всецело нам доверяющим, ждущим сокровенное слово, возможно, разделяющим наши убеждения.

Но вполне реален и другой вариант — когда они, эти наши читатели, вдруг оказываются в другом лагере, и у них другие пророки, и они склонны молиться другим богам. Как это нередко случается, тем из них, на стороне которых сила, а вовсе не правда. Хотя, вполне возможно, прежде правды людям требуются хлеб, колбаса и водка. И вот

один из таких богов обещает: дам все, что вы попросите, только слушайте меня, голосуйте за меня, я буду владеть вами. Люди чувствуют, почти определенно знают, что не даст он ничего, что все в его громких словах — ст. лукавого. Но голосуют «за», потому что голос этого бога звучит вполне уверенно, требовательно, с металлом, и они, повинувшись многолетней привычке, голосуют. А затем ждут, жадно и преданно заглядывая ему в глаза, как и полагается рабам по отношению к господину. Но не приведи Господь в такую минуту напомнить им об их заблуждении — они все забросают камнями. На этот раз не за лукавого бога — за собственный позор

обманутых. Они отвернутся от вас и снова будут искать в политизированном хоре вождельный голос, который обещает наибольшее количество благ, чтобы в очередной раз оказаться обманутыми.

О, эта сладость обмана! Розовые иллюзии всегда привлекательнее горькой суровости правды, и люди готовы бесконечно верить любому проходимцу. Особенно если он не слишком разборчив в средствах и на его стороне сила. В нашей безрадостной жизни сила, по обыкновению, отождествляется с правдой; последняя всегда обслуживает силу, бесстыже прилаживаясь к ней.

А литература? Что может литература, у которой всегда неопределенная амбивалентная правда, игра напускной уверенности и голоса-то громкого нет — один шепот и шорох бумажных страниц? Страниц, которые, впрочем, все дорожают на суматошном бумажном рынке и год от года становятся все дефицитнее.

Издатели, избавившись от цензурного гнета, оказались в капкане финансовой безысходности и бесконечно пересматривают свои издательские планы. А недавние номенклатурщики, доведшие нас до жизни такой, злорадно посмеивают-

ся, то и дело напоминая, что все это дело рук «так называемых демократов», ведь прежде все было иначе.

Сами эти бывшие — народ неунывающий и в республиках уже спешно переоделись, сменив сталинские френчи на белые национальные «вышиванки», торопливо овладевают «новыми» подмостками. Самые ловкие уже и выступают на этих «новых». Только слушать их некому, равно как и некому читать книги их оппонентов. Наши потенциальные читатели рыщут с утра по магазинам в поисках пропитания, которое на захламленных дворах ящиками и мешками перегружается из одних фургонов в другие — у мафии тоже свои многоструктурные связи. А в до отказа набитых народом торговых залах — шумные очереди, давка, нервозность, и с утра до ночи звучит однотильная, с обилием междометий речь, незнакомая нашей классике, но, кажется, претендующая лечь в основу современного — нового, великого и могучего литературного языка.

Боюсь, как бы на этом языке не пришлось писать будущим поколениям наших мастеров изящной словесности.

Да минует меня чаша сия...

МИНСК